

После того, как она сходила отдать завтрак отцу и брату, обеденный стол был уже накрыт, и за столом сидели только два человека, Ван Тунхуа и ее невестка Чжан Сяохуа. Ду Баочжэнь все еще злилась, заперевшись в комнате.

Хотя Ван Тунхуа в глубине души пошла на уступки, как старшая она не могла заставить себя уговаривать дочь. Ду Баочжэнь не вышла поесть, и поэтому она сдерживалась, не позволяя никому уговаривать ее.

Цзян Жуй убрала бамбуковую корзину, посмотрела на выражение лица Ван Тунхуа и, молча сев, взяла свой завтрак.

На столе стояли четыре миски с тыквенной кашей, две из них с половинкой яйца, а также тарелка с маринованными овощами.

Яиц было мало. Если бы не кролики, выращенные в доме, что они позволить себе время от времени менять кроличий мех на яйца, на обеденном столе не было бы даже мяса.

Дело не в том, что они не пытались разводить цыплят, но цыплята отличались от кроликов. Если бы цыплят кормили только травой, у них не хватало бы энергии откладывать яйца, а также существовал страх быть украденными, если их выпустить на улицу. Цыплят кормят зерном, а в семье Ду было много людей, но мало рабочей силы, каждый раз, когда выдавали пайки, их едва хватало, чтобы прокормить людей, где они могли найти дополнительное зерно?

Следовательно, яйца были не для всех. В семье Ду из шести человек были сварены только два яйца. Фермеры только что закончили уборку рисовых зерен, и работы было немного. В их семье работали только двое мужчин, поэтому они могли питаться немного лучше. Невестка Чжан Сяохуа была беременна и нуждалась в некоторых добавках, а что касается Ду Баочжэнь, учеба требовала больших умственных усилий, поэтому она тоже съедала половину яйца каждый день. Что касается Ван Тунхуа и Ду Баоцинь, то они могли обойтись только маринованными овощами.

Цзян Жуй ела очень быстро, и, увидев, что Ван Тунхуа закончила свою трапезу, она встала не сразу. Время от времени она поглядывала на дверь и знала, что гнев ее матери утих, поэтому в это время она сказала:

— Мам, я пойду отнесу еду Баочжэнь.

Чжан Сяохуа также согласилась:

— Баочжэнь все еще нужно учиться, она не должна голодать.

— Может ли человек умереть с голоду, пропустив один прием пищи? Она такая, потому что вы все ее избаловали, — проворчала Ван Тунхуа, откладывая палочки для еды и выходя во двор покормить кроликов.

Это означало согласие.

Цзян Жуй обменялась взглядом с Чжан Сяохуа, встала и с улыбкой сказала:

— Невестка, ешь больше, в кастрюле еще осталось.

В семейном доме Ду было не так много комнат, обе сестры делили маленькую комнату.

Когда Цзян Жуй толкнула дверь, Ду Баочжэнь лежала на узком письменном столе перед окном. Услышав движение за дверью, она немедленно засунула что-то в ящик. Когда она обернулась и увидела, кто это был, то вздохнула с облегчением.

Выражение лица Цзян Жуй не изменилось, когда она шагнула вперед и похлопала ее по плечу, мягко сказав:

— Поешь, сегодняшняя тыквенная каша получилась сладкой.

Ду Баочжэнь надулась. Семье Ду приходилось каждый день готовить большую кастрюлю каши, и они, естественно, не могли позволить себе белый сахар, поэтому могли добавлять в кашу только те маленькие пакетики сахарина, каждый из которых стоил пенни. Хотя они были слаще сахара, они не имели питательной ценности, а переедание вредно для организма. Их добавляли только для того, чтобы удовлетворить их тягу к чему-нибудь сладкому.

— Мне не хочется есть, — угрюмо ответила Ду Баочжэнь, недавно она много плакала, и теперь ее голос был немного хриплым.

В комнате были только стол и табурет, табурет был занят, и Цзян Жуй могла сидеть только на краю кровати. Они посмотрели друг на друга. Она протянула руку и нежно коснулась слегка покрасневших и опухших век Ду Баочжэнь:

— Все еще сердишься? Даже если ты злишься, тебе не следует плохо обращаться с собой, что мы будем делать, если ты будешь голодать и нанесешь вред своему телу?

Глаза Ду Баочжэнь снова наполнились слезами, ее голос осекся, когда она с обиженным видом повернулась к сестре:

— Это мама поступила неразумно, почему я должна выходить замуж за этого Чжао Наня только потому, что он спас меня? Если это так, то я бы предпочла утонуть!

— Не говори глупостей, — Цзян Жуй прикрыла рот рукой, ее обычно мягкое выражение лица стало суровым: — Это все детские слова, не говори так небрежно о смерти, неужели тебя больше не волнуют твои родители? А как насчет меня?

— Уууу... Сестра... — Ду Баочжэнь бросилась в ее объятия и разрыдалась.

Цзян Жуй легонько похлопывала ее по спине, пока младшая девушка не перестала плакать, затем сказала:

— Давай сначала пойдем и поедим, ты плохо питалась последние несколько дней, ты намеренно заставляешь других чувствовать себя огорченными, моря себя голодом?

После слез Ду Баочжэнь почувствовала гораздо большее облегчение, она потерла глаза и возразила:

— В любом случае, маме не будет плохо.

— И откуда ты это знаешь? — Цзян Жуй взяла ее за руку и вытерла ей лицо чистым носовым платком.

Ду Баочжэнь подняла голову, чтобы облегчить ее действия, сморщив нос и пробормотав:

— Даже если ей жаль меня, она все равно не может вынести потери семьи Чжао. Если ты

спросишь меня, я думаю, что она ненавидит то, что не может выйти замуж за них.

— Ты, — Цзян Жуй постучала сестру по носу, в уголках ее рта появилась улыбка: — Что ты говоришь, будь осторожна, если мама услышит, что ты сказала, она вознаградит тебя жареной свининой с побегами бамбука.

[П/п: вероятно, это означает, что ее мама высечет ее]

Ду Баочжэнь улыбнулась, обняла ее за талию и, положив голову сестре на колени, прошептала:

— Сестра, я не хочу выходить замуж.

— Я знаю, разве ты не заметила, что за эти несколько дней отношение наших родителей значительно смягчилось. Подумай об этом, с самого детства и до сих пор, они заставляли тебя что-нибудь делать?

Ду Баочжэнь некоторое время молчала, затем медленно покачала головой:

— На этот раз все по-другому, сестра. Мама никогда не откажется от семьи Чжао.

Любые решения, касающиеся семьи Ду, неважно, большие или маленькие, всегда принимала Ван Тунхуа. Ду Баочжэнь была озорной с детства, она много раз проверяла границу терпения матери, но на этот раз она почувствовала ее решимость. В глубине души она запаниковала, вот почему на этот раз наделала много неприятностей.

Не только она, но и первоначальная владелица Ду Баоцинь также догадалась, что Ван Тунхуа не планировала отказываться от семьи Чжао. Просто вечно молчаливая Ду Баоцинь больше понимала свою мать, зная, что в конце концов большая часть этого дела легла на нее, но Ду Баочжэнь еще не осознала.

— Не бойся, я все еще здесь, давай вместе найдем выход. Все, что тебе сейчас нужно сделать, это хорошо поесть. У тебя хватит сил бороться только тогда, когда ты насытишься. Что, если в конце концов наши родители сдадутся, но ты заболеешь, разве это не будет проигрышем? — посоветовала Цзян Жуй.

Ду Баочжэнь приняла ее слова, она подняла голову и жалобно посмотрела на нее:

— Сестра, ты должна помочь мне, ты не можешь игнорировать меня.

— Я знаю, — Цзян Жуй взяла ее за руку и вывела на улицу: — Когда это я не заботилась о тебе?

Ду Баочжэнь почувствовала себя в большей безопасности, она послушно последовала за сестрой, ругая остальных:

— Из того, что я вижу, у Чжао Наня явно были плохие намерения, когда он спасал меня, в следующий раз, когда я увижу его, я позволю брату избить его!

Цзян Жуй искоса посмотрела на нее, ее тон по-прежнему был мягким:

— Если бы он не спас тебя, стояла бы ты сейчас здесь, чтобы избивать кого-то? Кроме того, я слышала, что на следующий день после того, как он спас тебя, он вернулся в армию. Всего через несколько дней тетя Чжан пришла к нам домой. Этот вопрос, в основном, касается намерений старейшин семьи Чжао.

Ду Баочжэнь надулась, ей больше нечего было сказать.

За обеденным столом никого не было, Ду Баочжэнь очистила свою половину яйца и поднесла его ко рту Цзян Жуй: — Сестра, я поделюсь половиной с тобой.

Цзян Жуй наклонила голову и оттолкнула ее руку: — Мне не нужна умная голова, зачем мне его есть.

— Но все равно тебе предстоит много работы.

— Это не тяжелая работа, я не устану, и я не люблю есть яйца. Ешь быстрее, каша остывает.

Ду Баочжэнь скептически спросила: — Ты не любишь их?

— Мне это действительно не нравится.

— Ты такая странная, как можно не любить яйца, — пробормотала Ду Баочжэнь. Она съела яйцо в два приема, затем взяла миску и принялась за кашу. После того, как она все утро доставляла неприятности, она сильно проголодалась и не заботилась о поддержании образа воспитанной и образованной девушки во время еды.

Цзян Жуй убрала со стола:

— Я собираюсь помыть посуду. Когда закончишь есть, отнеси тарелки и палочки на кухню.

— Да, да.... — промямлила Ду Баочжэнь с набитым ртом, небрежно кивая головой.

Во дворе Ван Тунхуа рассеянно кормила кроликов, ее голова была полна мыслей, которые появлялись раньше.

Она хотела, чтобы ее старшая дочь вышла замуж за члена семьи Чжао. Чем больше она думала об этом, тем больше волновалась, поскольку чувствовала, что идея неплохая. Но теперь, когда она немного успокоилась, она поняла, что с этой идеей была ключевая проблема, согласится ли семья Чжао? Что, если второй сын семьи Чжао примет только ее младшую дочь?

Она должна была найти способ узнать о намерениях семьи Чжао ....

Глядя на деловитую фигуру Цзян Жуй на кухне, ей постепенно пришла в голову идея.

После того, как Цзян Жуй прибралась на кухне, глядя на солнце, которое сегодня было не очень ярким, она вернулась в свою комнату и переоделась в старую рубашку с длинными рукавами. Она готовилась подняться на гору, чтобы нарвать сухих листьев и веток для разведения костра.

Когда она только вышла, Ван Тунхуа остановила ее и подняла шум:

— Почему ты носишь это старое тряпье? Быстро иди и переоденься.

— Мама, я собираюсь подняться на гору.

Ван Тунхуа втолкнул ее внутрь: — Ты не можешь подняться на гору в другой раз? А сейчас съезди к водохранилищу ради своей матери. Несколько дней назад твоя тетя Чжан дала нам немного меда, у нас в доме нет ничего вкусного, ты можешь просто послать им этих двух кроликов.

<http://tl.rulate.ru/book/105201/3709784>